

Левъ Николаевичъ Толстой.

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ

СОСТАВИЛЪ

П. И. БИРЮКОВЪ.

СО МНОГИМИ РИСУНКАМИ.

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА
„ЮНАЯ РОССІЯ“.
Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

Цѣна 12 коп.

МОСКВА.

Типографія К. Л. Меньшова, Арбатъ, Никольскій пер., д. 21.
1911.

Гр. Л. Н. Толстой зимою на лошади. (1897 г.).

Левъ Николаевичъ Толстой.

Въ этой небольшой статьѣ я хочу рассказать вамъ, друзья мои, про старца, Льва Николаевича Толстого; имя его, а, можетъ быть, и нѣкоторыя сочиненія его вы, вѣрно, хорошо знаете. Но не всѣмъ извѣстна долгая, замѣчательная во многихъ отношеніяхъ жизнь этого человѣка, а между тѣмъ она достойна самаго серьезнаго вниманія.

7-го ноября 1910 г. Левъ Николаевичъ тихо скончался на 83-мъ году своей жизни. Вы помните рассказы о немъ, какъ о великомъ старцѣ; но вѣдь онъ былъ когда-то ребенкомъ, былъ пылкимъ юношей, былъ взрослымъ человѣкомъ, прославился, какъ великій художникъ слова, и, наконецъ, сталъ извѣстенъ всему міру, какъ учитель жизни.

Вотъ о томъ, какимъ онъ былъ въ дѣтствѣ, юности, чѣмъ стязалъ свою славу и чему училъ всю жизнь, я и хочу рассказать вамъ, желая только одного, чтобы вы полюбили того человѣка, о которомъ я вамъ пишу.

I.

Толстой—дитя.

Л. Н. родился и провелъ большую часть своей жизни въ „Ясной Полянѣ“, старинномъ имѣніи предковъ его, князей Волконскихъ *).

Домъ гр. Л. Н. Толстого въ Ясной Полянѣ.

Нѣкоторыя событія изъ своего дѣтства Л. Н. описалъ въ прекрасной повѣсти, хотя и не совсѣмъ такъ, какъ они были въ дѣйствительности; да къ тому же въ повѣсти

*) «Ясная Поляна» находится въ Крапивненскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, въ 15 верстахъ отъ Тулы и въ 3-хъ верстахъ отъ ст. «Засѣка» Московско-Курской желѣзной дороги.

„Дѣтство и отрочество“ описаны только 2—3 года жизни его, и потому мы постараемся рассказать о его дѣтствѣ по другимъ источникамъ, главнымъ образомъ, по его собственнымъ воспоминаніямъ. Въ этихъ воспоминаніяхъ Л. Н. рассказываетъ о томъ, что онъ смутно помнитъ, какъ его пеленали, потомъ какъ его мыли въ корытѣ, какъ они съ сестрой, лежа въ кроваткахъ, заигрывали съ няней. Но болѣе опредѣленныя воспоминанія начинаются уже съ отрочества.

Кабинетъ Л. Н. Толстого въ Ясной Полянѣ.

Матери своей Л. Н. не помнитъ. Она умерла, когда ему было 1½ года, принеся на свѣтъ его младшую сестру, Марью Николаевну. Но изъ рассказовъ близкихъ людей онъ составилъ себѣ о ней чудный образъ умной, доброй, нѣжнолюбящей матери, и этотъ образъ въ его воспоминаніяхъ слился съ другимъ образомъ его тетушки, Татьяны Александровны Ергольской, замѣнившей ему мать и, какъ онъ самъ говорилъ, заразившей его своею любовью. Объ его те-

тушкѣ Л. Н. много и съ нѣжностью говорить въ своихъ воспоминаніяхъ.

Когда ему пришло время учиться, его перевели изъ дѣтской въ комнату его старшихъ братьевъ. У нихъ былъ воспитателемъ Федоръ Ивановичъ Рессель, описанный совершенно правдиво Л. Н. въ его повѣсти „Дѣтство“ подъ именемъ Карла Ивановича Мауера.

Вотъ какъ описываетъ Л. Н. этотъ тяжелый переходъ отъ нѣжнаго попеченія няни и тетюшекъ къ заботамъ о немъ, хотя и добраго, но строгаго и серьезнаго Федора Ивановича:

„При переводѣ меня внизъ къ Федору Ивановичу и къ мальчикамъ, я испыталъ въ первый разъ и потому сильнѣе, чѣмъ когда-либо послѣ, то чувство, которое называютъ чувствомъ долга, называютъ чувствомъ креста, который призванъ нести каждый человѣкъ. Мнѣ было жалко покидать привычное мѣсто, грустно было, поэтически грустно разставаться не столько съ людьми, съ сестрой, няней, съ теткой, сколько съ кроваткой, съ положкомъ, съ подушкой, и страшна была та новая жизнь, въ которую я вступалъ. Я старался находить веселое въ той новой жизни, которая предстояла мнѣ: я старался вѣрить ласковымъ рѣчамъ, которыми заманивалъ меня къ себѣ Федоръ Ивановичъ, старался не видѣть того презрѣнія, съ которымъ мальчики принимали меня, меньшого, къ себѣ: старался думать, что стыдно было жить большому мальчику съ дѣвочками, и что ничего хорошаго не было въ этой жизни наверху съ няней; но на душѣ было страшно грустно, и я зналъ, что я безвозвратно терялъ невинность и счастье, и только чувство собственнаго достоинства, сознаніе того, что я исполняю свой долгъ, поддерживало меня. Много разъ потомъ въ жизни мнѣ приходилось переживать такія минуты на распутьяхъ жизни, вступая на новыя дороги. Я испытывалъ тихое горе о безвозвратности утраченнаго. Я все не вѣрилъ,

что это будетъ. Хотя мнѣ и говорили про то, что меня переведутъ къ мальчикамъ, но помню—халатъ съ подтяжкой, пришитой къ спинѣ, который на меня надѣли, какъ будто отрѣзалъ меня навсегда отъ верха, и я тутъ въ первый разъ замѣтилъ не всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ я жилъ наверху, но главное лицо, съ которымъ я жилъ и которое я не понималъ прежде. Это была тетушка Татьяна Александровна. Помню невысокую, плотную, черноволосую, добрую, нѣжную, жалостливую. Она надѣвала на меня халатъ, обнимая, подпоясывала и цѣловала, и я видѣлъ, что она чувствовала то самое, что и я, что жалко, ужасно жалко, но должно. Въ первый разъ я почувствовалъ, что жизнь не игрушка, а трудное дѣло“.

Отца своего Л. Н. помнить, но воспоминанія эти отрывочны и смутны. Занятый хозяйствомъ и другими дѣлами, отецъ мало занимался дѣтьми. Но все-таки у Л. Н. сохранилось о немъ воспоминаніе, какъ о добромъ, умномъ, благородномъ человѣкѣ, никогда не проявлявшемъ жестокости къ своимъ подчиненнымъ, прислугѣ, дворнѣ и крестьянамъ.

„Самыя пріятныя мои воспоминанія объ отцѣ,—говорить Л. Н.,—это его сидѣнье съ бабушкой на диванѣ и помоганье ей раскладыванія пасьянса. Отецъ со всѣми бывалъ учтивъ и ласковъ, но съ бабушкой онъ былъ всегда какъ-то особенно ласково подобострастенъ. Сидитъ, бывало, бабушка со своимъ длиннымъ подбородкомъ въ чепцѣ съ рюшемъ и бантомъ на диванѣ и раскладываетъ карты, понюхивая изрѣдка изъ золотой табакерки. Рядомъ съ диваномъ сидитъ на креслѣ тульская оружейница Петровна въ своей куртушкѣ съ патронами, прядетъ и стучаетъ клубкомъ изрѣдка по стѣнѣ, въ которой она клубками этими выбила уже ямку. Петровна эта—торговка, почему-то полюбилась бабушкѣ, и она гоститъ часто у насъ и всегда сидитъ рядомъ съ бабушкой въ гостиной на диванѣ. На креслѣ си-

дять тетушки, и одна изъ нихъ читаетъ вслухъ. На одномъ изъ кресель, продавивъ въ немъ себѣ ямку, лежитъ чернопѣгая Милка, любимая рѣзвая собака отца, съ прекрасными черными глазами. Мы приходимъ прощаться, а иногда сидимъ тутъ же, прощаемся, всегда цѣлуясь съ бабушками и тетушками, цѣлуясь рука въ руку. Помню разъ, въ срединѣ пасьянса и чтенія, отецъ останавливаетъ читающую тетушку, указываетъ въ зеркало и шепчетъ что-то. Мы всѣ смотримъ туда же. Это офиціантъ Тихонъ, зная, что отецъ въ гостиной, идетъ къ нему въ кабинетъ брать его табакъ изъ большой складывающейся розанчикомъ кожаной табачницы. Отецъ видитъ его въ зеркало и смотритъ на его, на цыпочкахъ, осторожно шагающую фигуру. Тетушки смѣются. Бабушка долго не понимаетъ, а когда понимаетъ, радостно улыбается. Я восхищаюсь добротой отца и, прощаясь съ нимъ, съ особенной нѣжностью цѣлую его бѣлую жилистую руку. Я очень любилъ отца, но не зналъ еще, какъ сильна была эта моя любовь къ нему до тѣхъ поръ, пока онъ не умеръ“.

Отецъ Л. Н. умеръ лѣтомъ 1837 года, когда Л. Н. было 9 лѣтъ. Смерть отца была однимъ изъ самыхъ сильныхъ впечатлѣній дѣтства Л. Н.

Въ воспоминаніяхъ о своей бабушкѣ, Л. Н. рассказываетъ, какъ они въ дѣтствѣ приходили въ спальню бабушки смотрѣть, какъ она умывалась, потому что въ это время она дѣлала какіе-то удивительные мыльные пузыри. Онъ вспоминаетъ, какъ они съ бабушкой ѣздили въ лѣсъ собирать орѣхи, и какъ тогда ярко свѣтило солнце и пахла орѣховая листва, и улыбалась бабушка, и они, дѣти, радовались, и все это слилось у него въ памяти въ одну чудную, свѣтлую картину.

„Самое же сильное, связанное съ бабушкой, воспоминаніе,—говорилъ Л. Н., это—ночь, проведенная въ спальнѣ бабушки, и Левъ Степановичъ. Левъ Степанычъ былъ слѣ-

пой сказочникъ (онъ былъ уже старикомъ, когда я узналъ его),—остатокъ стариннаго барства, барства дѣда. Онъ былъ купленъ только для того, чтобы рассказывать сказки, которыя онъ, вслѣдствіе свойственной слѣпымъ необыкновенной памяти, могъ слово въ слово рассказывать послѣ того, какъ ихъ раза два прочитывали ему.

Онъ жилъ гдѣ-то въ домѣ, и цѣлый день его было не видно. Но по вечерамъ онъ приходилъ наверхъ, въ спальню бабушки (спальня эта была въ низенькой комнаткѣ, въ которую входить надо было по двумъ ступенямъ), и садился на низенькій подоконникъ, куда ему приносили ужинъ съ господскаго стола, тутъ онъ дожидался бабушку, которая безъ стыда могла дѣлать свой ночной туалетъ при слѣпомъ человѣкѣ. Въ этотъ день, когда былъ мой чередъ ночевать у бабушки, Левъ Степановичъ со своими бѣлыми глазами, въ синемъ длинномъ сюртукѣ, съ буфами на плечахъ, сидѣлъ уже на подоконникѣ и ужиналъ. Не помню, какъ раздѣвалась бабушка, въ этой ли комнатѣ или въ другой, и какъ меня уложили въ постель, помню только ту минуту, когда свѣчу потушили, осталась одна лампадка передъ золочеными иконами; бабушка, та самая удивительная бабушка, которая пускала эти необычайные мыльные пузыри, вся въ бѣломъ и покрытая бѣлымъ, въ своемъ бѣломъ чепцѣ, высоко лежала на подушкахъ, и съ подоконника послышался ровный, спокойный голосъ Льва Степановича: „Продолжать прикажете?“ — Да, продолжайте. — „Любимая сестрица“,— сказала она,— заговорилъ Левъ Степановичъ тихимъ, ровнымъ старческимъ голосомъ:— „расскажите намъ одну изъ тѣхъ прелюбопытнѣйшихъ сказокъ, которыя вы такъ хорошо умѣете рассказывать.“— „Охотно,— отвѣчала Шахерезада, рассказала бы я замѣчательную исторію принца Камаральзамана, если повелитель нашъ выразитъ на то свое согласіе. Получивъ согласіе султана, Шахерезада начала такъ: „у одного владѣтельнаго царя былъ единствен-

ный сынъ“... и, очевидно, слово въ слово по книгѣ началъ Левъ Степановичъ Камаральзамана. Я не слушалъ, не понималъ того, что онъ говорилъ, настолько былъ поглощенъ таинственнымъ видомъ бѣлой бабушки, ея колеблющейся тѣнью на стѣнѣ и видомъ старика съ бѣлыми глазами, котораго я не видалъ теперь, но котораго помнилъ неподвижно сидѣвшаго на подоконникѣ и медленнымъ голосомъ говорившаго какія-то странныя, мнѣ казавшіяся торжественными, слова, одинаково звучашія среди темноты комнатки, освѣщенной дрожащимъ свѣтомъ лампадки. Должно быть, я тотчасъ же заснулъ, потому что дальше ничего не помню, и только утромъ опять удивлялся и восхищался мыльными пузырями, которые, умываясь, дѣлала на своихъ рукахъ бабушка“.

Л. Н. росъ со своими тремя братьями, Николаемъ, Дмитріемъ и Сергѣемъ и сестрой Марьей.

Три брата умерли, а сестра, Марья Николаевна, живетъ монахиней въ Шамординѣ, близъ Оптиной пустыни, въ Калужской губерніи.

Съ особенной нѣжностью и любовью Л. Н. вспоминаетъ о своемъ братѣ Николаѣ или Николенькѣ, какъ его называли въ семьѣ.

Николенька, какъ старшій братъ, руководилъ дѣтскими играми, и вотъ среди этихъ-то дѣтскихъ игръ онъ сѣялъ сѣмена глубокихъ и возвышенныхъ чувствъ и мыслей, родившихся въ его головѣ и давшихъ Л. Н., быть можетъ, направленіе всей его жизни.

Въ своихъ воспоминаніяхъ о братѣ Николаѣ Л. Н. рассказываетъ объ игрѣ въ „муравейные братья, въ зеленую палочку и фанфаронову гору“.

„Когда намъ съ братьями было—мнѣ 5, Митенькѣ 6, Сережѣ 7 лѣтъ,—Николенька объявилъ намъ, что у него есть тайна, посредствомъ которой, когда она откроется, всѣ люди сдѣлаются счастливыми, не будетъ ни болѣзни, никакихъ

непріятностей, никто ни на кого не будетъ сердиться, и всѣ будутъ любить другъ друга, всѣ сдѣлаются муравейными братьями (вѣроятно, это были моравскіе братья, о которыхъ онъ слышалъ или читалъ, но на нашемъ языкѣ это были муравейные братья). И я помню, что слово „муравейные“ особенно нравилось, напоминая муравьевъ въ кочкѣ. Мы даже устроили игру въ муравейные братья, которая состояла въ томъ, что садились подѣ стулья, загораживая ихъ ящиками, завѣшивали платками и сидѣли тамъ въ темнотѣ, прижимаясь другъ къ другу. Я помню, испытывалъ особенное чувство любви и умиленія и очень любилъ эту игру.

„Муравейные братья“ были открыты намъ; но главная тайна о томъ, какъ сдѣлать, чтобы всѣ люди не знали никакихъ несчастій, никогда не ссорились и не сердились, а были бы постоянно счастливы, эта тайна была, какъ онъ намъ говорилъ, написана имъ на зеленой палочкѣ, и палочка эта зарыта у дороги, на краю оврага Старога Заказа, въ томъ мѣстѣ, въ которомъ я просилъ въ память Николенки закопать меня.

Кромѣ этой палочки, была еще какая-то фанфароновая гора, на которую, онъ говорилъ, можетъ ввести насъ, если только мы исполнимъ всѣ положенныя для того условія. Условія были, во-первыхъ: стать въ уголь и не думать о бѣломъ медвѣдѣ. Помню, какъ я становился въ уголь и старался, но никакъ не могъ не думать о бѣломъ медвѣдѣ. Второе условіе—пройти, не оступившись, по щелкѣ между половицами, и третье, легкое: въ продолженіе года не видать зайца, все равно живого или мертваго или жаренаго. Потомъ надо поклясться никому не открывать этихъ тайнъ.

Тотъ, кто исполнитъ эти условія и еще другія, болѣе трудныя, которыя онъ откроетъ послѣ, того одно желаніе, какое бы то ни было, будетъ исполнено. Мы должны были сказать наши желанія. Сережа пожелалъ умѣть лѣпить лошадей и куръ изъ воска; Митенька пожелалъ рисовать вся-

кія вещи, какъ живописецъ, въ большемъ видѣ. Я же ничего не могъ придумать, кромѣ того, чтобы умѣть рисовать въ маломъ видѣ. Все это, какъ это бываетъ у дѣтей, очень скоро забылось, и никто не вошелъ на фанфаронову гору; но помню ту таинственную важность, съ которой Николенька посвящалъ насъ въ эти тайны, и наше уваженіе и трепеть передъ тѣми удивительными вещами, которыя намъ открылись“.

Заканчивая эти воспоминанія, Л. Н. прибавляетъ:

„Идеаль муравейныхъ братьевъ, льнущихъ любовно другъ къ другу, только не подъ двумя креслами, завѣшанными платками, а подъ всѣмъ небеснымъ сводомъ всѣхъ людей міра, остался для меня тотъ же. И какъ я тогда вѣрилъ, что есть та зеленая палочка, на которой написано то, что должно уничтожить все зло въ людяхъ и дать имъ великое благо, такъ я вѣрю и теперь, что есть эта истина, и что будетъ она открыта людямъ и дастъ имъ то, что она обѣщаетъ“.

Такія добрыя вліянія испытывалъ Л. Н. въ дѣтствѣ; самъ же онъ росъ нервнымъ, безпокойнымъ ребенкомъ, часто плакалъ, а иногда выкидывалъ удивительныя шутки. Такъ, напр., разъ онъ выпрыгнулъ въ окно изъ второго этажа въ Москвѣ, отшибъ себѣ ноги, стряхнулъ мозгъ, такъ что потерялъ сознаніе, но отдѣлался испугомъ и крѣпкимъ, долгимъ сномъ, послѣ чего онъ всталъ совсѣмъ здоровымъ. Въ другой разъ онъ пустился перегонять тройку лошадей, и его, изнеможеннаго, съ большимъ трудомъ удалось уговорить сѣсть въ карету, въ которой ѣхали семейные. Онъ пробовалъ даже летать и для этого садился на корточки и поджималъ руками колѣни, считая это самымъ удобнымъ положеніемъ для летанія.

Учился онъ не очень хорошо; но уже рано проявились въ немъ выдающіяся способности, впечатлительность и склонность къ размышленію.

Въ 1836 году для обученія старшихъ братьевъ семья Толстыхъ перебралась въ Москву. Л. Н. было тогда 8 лѣтъ. И вотъ во время этого путешествія,—говорить Л. Н. про героя повѣсти „Дѣтство“, Николеньку Иртенева, влагая въ него свои мысли и чувства,—въ это время онъ почувствовалъ и созналъ въ себѣ зарожденіе новыхъ мыслей и чувствъ. Весь міръ, всѣ предметы какъ бы повернулись къ нему другой, неизвѣстною еще стороною. Ему въ первый разъ пришла въ голову ясная мысль о томъ, что не они одни, то есть, ихъ семейство живетъ на свѣтѣ, что не всѣ интересы вертятся около нихъ, а что существуетъ другая жизнь людей, ничего не имѣющихъ общаго съ ними, не заботящихся о нихъ и даже не имѣющихъ понятія о ихъ существованіи. Безъ сомнѣнія, онъ и прежде зналъ все это, но зналъ не такъ, какъ онъ узналъ это теперь, не сознавалъ, не чувствовалъ.

И съ этого времени все чаще и чаще въ головѣ мальчика толпятся мысли, появляются думы о счастья, о смерти, о вѣчности.

Въ 1841 году, когда Л. Н. исполнилось 13 лѣтъ, послѣ смерти отца и потомъ бабушки, недолго пережившей сына, и опекунши-тетки, всѣ молодые Толстые перешли на попеченіе къ другой теткѣ, Пелагеѣ Ильинишнѣ Юшковой, жившей въ Казани, и она перевезла ихъ всѣхъ къ себѣ.

Въ Казани и прошли юношескіе годы Л. Н.

II.

Толстой—юноша.

Въ Казани четыре брата Толстыхъ поступили въ университетъ.

Л. Н. вельъ обычную жизнь студента; посѣщаль лекціи не особенно прилежно, вельъ свѣтскую, веселую жизнь; но когда его увлекаль какой-нибудь предметъ, то онъ отдавался

ему весь, писалъ сочиненія, много читалъ, велъ бесѣды съ профессоромъ и запускалъ другіе предметы, отчего получалъ плохія отмѣтки и даже не выдержалъ переходнаго экзамена, перевелся на другой факультетъ, перешелъ на второй курсъ и, не кончивъ его, вышелъ изъ университета, и вмѣстѣ со старшими братьями, уже окончившими къ тому времени курсъ, поѣхалъ въ Ясную Поляну.

Изъ воспоминаній о студенческомъ времени Л. Н. отмѣтимъ его интересный рассказъ о его братѣ Дмитріи.

Онъ былъ тихій, религіозный человекъ, мало замѣтный въ обществѣ, но упорный въ достиженіи своихъ цѣлей и всегда строго-нравственный; особенно трогательно было его отношеніе къ одной бѣдной дѣвушкѣ, жившей въ Казани у тетушки Юшковой, въ одномъ домѣ съ ними.

„Это было жалкое, кроткое, забитое существо,—говорить про нее Л. Н.,—у нея была комнатка, и дѣвочка ей прислуживала. Когда я узналъ ее, она была не только жалка, но отвратительна. Не знаю, какая была у нея болѣзнь, но лицо ея было все распухлое такъ, какъ бываютъ запухлыя лица, искусанныя пчелами. Глаза виднѣлись въ узенькихъ щелкахъ между двумя запухшими, глянцевитыми, безъ бровей подушками. Также распухшіе, глянцевитые, желтые были щеки, носъ, губы, ротъ. И говорила она съ трудомъ, такъ какъ и во рту, вѣроятно, была та же опухоль. Лѣтомъ на лицо садились мухи, и она не чувствовала ихъ, и это было особенно непріятно видѣть. Волоса были еще черные, но рѣдкіе, не скрывавшіе голый черепъ. Отъ нея всегда дурно пахло. А въ комнатѣ ея, гдѣ никогда не открывались окна и форточки, былъ удушливый запахъ. Вотъ эта-то Любовь Сергѣевна сдѣлалась другомъ Митеньки. Онъ сталъ ходить къ ней, слушать ее, говорить съ ней, читать ей. И, удивительное дѣло, мы такъ были нравственно тупы, что только смѣялись надъ этимъ; Митенька же былъ такъ нравственно высокъ, такъ независимъ отъ заботы о людскомъ мнѣніи,

что никогда ни словомъ, ни намекомъ не показалъ, что онъ считаетъ хорошимъ то, что онъ дѣлаетъ. Онъ только дѣлалъ. И это былъ не порывъ, а это продолжалось все время, пока мы жили въ Казани“.

Конечно, поведеніе брата Дмитрія не осталось безъ вліянія на Льва Николаевича.

Да онъ и самъ, не смотря на всевозможныя увлеченія, на частыя уклоненія съ прямого пути, всегда помнилъ и стремился къ выполненію постановленнаго имъ себѣ нравственнаго долга, а юношеская фантазія открывала ему самыя далекіе горизонты, самыя возвышенныя идеалы.

Вотъ какъ онъ изображаетъ свои стремленія въ повѣсти „Юность“.

„Я сказалъ, что дружба моя съ Дмитріемъ открыла мнѣ новый взглядъ на жизнь, ея цѣли и отношенія. Сущность этого взгляда состояла въ убѣжденіи, что назначеніе человека есть стремленіе къ нравственному совершенствованію и что совершенствованіе это легко, возможно и вѣчно...“

Пришло время, когда эти мысли съ такою свѣжею силой моральнаго открытія пришли мнѣ въ голову, что я испугался, подумавъ о томъ, сколько времени я потерялъ даромъ, и тотчасъ же, въ ту же секунду, захотѣлъ прилагать эти мысли къ жизни, съ твердымъ намѣреніемъ никогда уже не измѣнять имъ. И съ этого времени я считаю начало юности.

Мнѣ было въ то время шестнадцатый годъ въ исходѣ. Учителя продолжали ходить ко мнѣ, и я поневолѣ и неохотно готовился къ университету“.

Въ этой же повѣсти онъ описываетъ и то заблужденіе юности, которое принесло ему, по его словамъ, много вреда, это его стремленіе къ внѣшнему благообразію, безъ достаточной заботы о внутреннемъ состояніи души; вотъ какъ онъ говоритъ отъ лица своего героя:

„Мое любимое и главное подраздѣленіе людей въ то

время, о которомъ я пишу, было на людей *сomme il faut* и на *сomme il ne faut pas*. Второй родъ подраздѣляется еще на людей собственно не *сomme il faut* и простой народъ. Людей *сomme il faut* я уважалъ и считалъ достойными имѣть со мной разныя отношенія; вторыхъ—притворялся, что презираю, но, въ сущности, ненавидѣлъ ихъ, питая къ нимъ какое-то оскорбленное чувство личности; третьи для меня не существовали,—я ихъ презиралъ совершенно. Мое *сomme il faut* состояло, первое и главное, въ отличномъ французскомъ языкѣ и особенно въ выговорѣ. Человѣкъ, дурно выговаривающій по-французски, тотчасъ же возбуждалъ во мнѣ чувство ненависти. „Для чего же ты хочешь говорить, какъ мы, когда не умѣешь?“—съ ядовитой насмѣшкой спрашивалъ я его мысленно.

Второе условіе *сomme il faut* были ногти длинные, отчищенные и чистые; третье было—умѣнье кланяться, танцовать и разговаривать; четвертое, и очень важное, было равнодушіе ко всему и постоянное выраженіе нѣкоторой изящной, презрительной скуки.

Страшно вспомнить, сколько безцѣннаго, лучшаго въ жизни шестнадцатилѣтняго времени я потратилъ на приобрѣтеніе этого качества“.

Но это занятіе своимъ *сomme il faut*, конечно, не поглощало его всего. Въ немъ постоянно возникали новые и новые нравственные требованія и вопросы. Онъ, какъ умѣлъ, отвѣчалъ на нихъ и воспитывалъ самъ себя, налагая на себя различныя нравственныя обязанности. Онъ писалъ правила жизни и составлялъ планы занятій. Вотъ какая записка сохранилась въ его дневникѣ 1847 года, т.-е. когда ему было 18 лѣтъ:

„Я много перемѣнился, но еще не достигъ той степени совершенства (въ занятіяхъ), котораго бы мнѣ хотѣлось достигнуть. Я не исполняю того, что себѣ приписываю; что исполняю, то исполняю не хорошо, не изощряю памяти. Для

этого пишу здѣсь нѣкоторыя правила, которыя, какъ мнѣ кажется, много мнѣ помогутъ, ежели я буду имъ слѣдовать.

1) Что назначено непременно исполнить, то исполняй, несмотря ни на что.

2) Что исполняешь, исполняй хорошо.

3) Никогда не справляйся въ книгѣ, что забылъ, а постарайся самъ припомнить.

4) Заставляй постоянно умъ твой дѣйствовать со всею ему возможною силою.

5) Читай и думай всегда громко.

6) Не стыдись говорить людямъ, которые тебѣ мѣшаютъ, что они мѣшаютъ: сначала дай почувствовать, а ежели они не понимаютъ (что они мѣшаютъ), то извинись и скажи имъ это“.

Черезъ нѣсколько дней онъ записываетъ слѣдующее:

„Цѣль жизни есть сознательное стремленіе къ всестороннему развитію всего существующаго“.

Вся послѣдующая жизнь Льва Николаевича исполнена подобныхъ мечтаній, благихъ начинаній и серьезной искренней борьбы надъ самимъ собою въ стремленіи къ совершенствованію.

Возвратившись изъ Казани въ Ясную Поляну, Л. Н. попробовалъ вести хозяйство, завелъ школу и хотѣлъ улучшить бытъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Но это ему не удалось. Трудно было ему, молодому барину, не знающему крестьянской жизни, войти въ такое довѣріе къ крестьянамъ, чтобы они выразили ему свои истинныя потребности. Л. Н. записалъ этотъ свой неудачный опытъ въ рассказѣ „Утро помѣщика“.

Потерпѣвъ неудачу въ занятіяхъ хозяйства и въ устройствѣ своихъ крестьянъ, Л. Н. не могъ найти себѣ настоящаго дѣла и подобно многимъ своимъ сверстникамъ увлекся дурными дѣлами, куда влекли его животныя инстинкты; онъ кутилъ, игралъ въ карты, дѣлалъ долги, такъ какъ сравнительно небольшого его состоянія ему не хватало на удовлетвореніе его страстей.

Но не смотря на всѣ его увлеченія дурными страстями, въ немъ жило всегда сознаніе своего долга, и совѣсть не переставала осуждать его и требовать перемѣны жизни.

Спасителемъ его явился старшій братъ Николай, поступившій послѣ университета на военную службу и служившій на Кавказѣ, въ дѣйствующей арміи.

Онъ пріѣхалъ въ отпускъ и уговорилъ Л. Н. ѣхать съ нимъ на Кавказъ. Л. Н. былъ радъ случаю порвать свою нездоровую для души и тѣла жизнь и уѣхалъ съ нимъ.

Николай Николаевичъ Толстой былъ очень оригинальнымъ человѣкомъ; онъ любилъ все дѣлать по своему, не подражая другимъ; и вотъ онъ придумалъ, что они поѣдутъ не обыкновеннымъ путемъ, какъ ѣздили тогда всѣ, прямо изъ Москвы на лошадяхъ, на Кавказъ, а рѣшилъ сначала ѣхать въ Казань, на Волгу, потомъ до Саратова на лошадяхъ, а изъ Саратова на большой лодкѣ, поставивъ туда и тарантасъ; гдѣ веслами, гдѣ парусами, гдѣ по теченію рѣки спустились до Астрахани, а оттуда уже на лошадяхъ доѣхали до мѣста служенія Николая Николаевича, въ станцію Старогладовскую.

III.

Кавказъ и Севастополь.

Кавказъ очень благотворно подѣйствовалъ на Л. Н. Дурманъ распущенной жизни сразу соскочилъ съ него и

при видѣ чудной, первобытной кавказской природы и добродушныхъ, простыхъ, живущихъ въ гармоніи съ природой терскихъ казаковъ, Л. Н. всей душой потянулся къ этой нетронутой дурными, извращенными привычками жизни, душа его просвѣтлѣла, а внутренній разумъ его, не переставая работать, открылъ ему далекій, но привлекательный идеаль общаго блага. И сила художественнаго творчества, зародившаяся въ немъ въ то же время, облекла этотъ идеаль въ чудные поэтическіе образы.

Живя на Кавказѣ въ 1852 году, Л. Н. написалъ свое первое произведеніе: „Исторія моего дѣтства“ и напечаталъ его въ журналѣ „Современникъ“. За этой повѣстью слѣдовалъ цѣлый рядъ рассказовъ изъ кавказской жизни. Лучшая повѣсть его „Казакъ“, задуманная имъ на Кавказѣ, но написанная позже, изображаетъ одного молодого человѣка, попавшаго послѣ бурной московской жизни на Кавказъ, гдѣ въ немъ впервые проявляется сильное, неудержимое стремленіе къ правдѣ жизни, къ любви, къ служенію общему благу. Этотъ молодой человѣкъ, Оленинъ, разъ на охотѣ, отдыхая въ высокой травѣ, почувствовалъ наплывъ какого-то страннаго чувства безпричиннаго счастья и любви ко всему...

„Отчего я счастливъ и зачѣмъ я жилъ прежде?—подумалъ онъ.—Какъ я былъ требователенъ для себя, какъ придумывалъ и ничего не сдѣлалъ себѣ, кромѣ стыда и горя. А вотъ какъ мнѣ ничего не нужно для счастья“. И вдругъ ему какъ будто открылся новый свѣтъ. „Счастье вотъ что,—сказалъ онъ самъ себѣ,—счастье въ томъ, чтобы жить для другихъ. И это ясно. Въ человѣка вложена потребность счастья; стало-быть, она законна. Удовлетворяя ее эгоистически, т.-е. отыскивая для себя богатства, славы, удобствъ жизни, любви, можетъ случиться, что обстоятельства такъ сложатся, что невозможно будетъ удовлетворить этимъ желаніямъ. Слѣдовательно, эти желанія незаконны, а не по-

требность счастья незаконна. Какія же желанія всегда могут быть удовлетворены, не смотря на внѣшнія условія? Какія? Любовь, самоотверженіе“. Онъ такъ обрадовался и взволновался, открывъ эту, какъ ему казалось, новую истину, что вскочилъ, и въ нетерпѣннѣи сталъ искать, для кого бы ему поскорѣе пожертвовать собой, кому бы сдѣлать добро, кого бы любить. „Вѣдь ничего для себя не нужно,— все думалъ онъ,—отчего же не жить для другихъ?“

Это единеніе съ природой, которое Л. Н. испытывалъ на Кавказѣ, возвышало его и оздоравливало его душу и тѣло и служило ему источникомъ самыхъ высокихъ духовныхъ радостей и направляло его жизнь на служеніе людямъ. И это настроеніе проходитъ черезъ всю жизнь Л. Н., съ этими мыслями и чувствами онъ и сошелъ въ могилу.

Сначала онъ жилъ на Кавказѣ частнымъ человѣкомъ, волонтеромъ, потомъ по совѣту брата и родственниковъ поступилъ юнкеромъ на службу, въ ту же артиллерійскую батарею, въ которой служилъ его братъ.

Во время этой службы Л. Н. участвовалъ въ походахъ и сраженіяхъ противъ горцевъ и нѣсколько разъ подвергался смертельной опасности. Такъ одинъ разъ непріятельское ядро разорвалось у его ногъ и разбило вдребезги колесо той пушки, которую онъ наводилъ, къ счастью, не задѣвъ его.

Въ другой разъ, при переходѣ съ отрядомъ изъ одной крѣпости въ другую, Л. Н. съ нѣсколькими молодыми офицерами отдѣлился и поѣхалъ впередъ. На нихъ налетѣлъ отрядъ подкарауливавшихъ ихъ чеченцевъ, и Л. Н. едва ускакалъ отъ нихъ и тѣмъ избѣгнулъ плѣна. Этотъ случай онъ описалъ похоже на правду въ своемъ разсказѣ „Кавказскій плѣнникъ“.

Но, конечно, военная юнкерская служба не могла удовлетворить его; особенно на Кавказѣ она была однообразна, и онъ почувствовалъ опасность снова опуститься до дурныхъ привычекъ картежной игры и кутежей,—обычное времяпровожденіе армейскихъ офицеровъ.

Ему хотѣлось болѣе сильныхъ впечатлѣній, опасности, гдѣ бы можно было жертвовать собой и рисковать жизнью. И вотъ онъ просится перевести его въ дѣйствующую армію на Дунай, гдѣ начались дѣйствія противъ турокъ.

Его переводятъ туда; передъ отъѣздомъ съ Кавказа онъ сдаетъ офицерскій экзамень, возвращается на нѣсколько дней въ Ясную Поляну повидаться съ братьями, тетушкой Татьяной Александровной и спѣшить къ новому мѣсту службы.

Но тутъ новая неудача. Онъ попадаетъ въ дѣйствующую армію тогда, когда главнокомандующій рѣшается на отступление, и это медленное, скучное отступление съ арміей опять не удовлетворяетъ Льва Николаевича, и онъ перепрашивается въ Севастополь; тамъ онъ, наконецъ, попадаетъ въ самый адъ огня и смерти. Онъ дежуритъ на 4-мъ бастіонѣ и, къ счастью, остается цѣль и невредимъ среди падающихъ вокругъ него тысячей человѣческихъ жизней.

Гр. Л. Н. Толстой въ 1857 г.

Не смотря на весь ужасъ этого положенія, Л. Н. чувствуетъ нѣкоторое удовлетвореніе въ своей мятущей душѣ, силы его, наконецъ, находятъ примѣненіе въ той напряженности, съ которой надо было выносить все происходившее въ Севастополь.

Л. Н. описалъ свою севастопольскую жизнь въ нѣсколькихъ прекрасныхъ разсказахъ. Читая ихъ, мы живо переносимся въ то ужасное время, когда люди стояли другъ передъ другомъ въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ, добрые, прекрасные люди, и у нихъ была одна цѣль—истребить другъ друга.

Вотъ картина перемирія, показывающая то страшное

противорѣчіе, въ которомъ находятся люди, участвующіе въ сраженіи.

„На бастионѣ и на траншеѣ выставлены бѣлые флаги, цвѣтущая долина, наполненная мертвыми тѣлами; прекрасное солнце спускается къ синему морю, и синее море, колыхаясь, блеститъ на золотыхъ лучахъ солнца. Тысячи людей толпятся, смотрятъ, говорятъ и улыбаются другъ другу. И эти люди—христіане, исповѣдующіе одинъ великій законъ любви и самоотверженія, глядя на то, что они сдѣлали, съ раскаяніемъ не упадутъ вдругъ на колѣни передъ Тѣмъ, Кто давъ имъ жизнь, вложилъ въ душу каждого, вмѣстѣ со страхомъ смерти, и любовь къ добру и прекрасному, и со слезами радости и счастья не обнимутся, какъ братья? Бѣлые флаги спрятаны, и снова свистятъ орудія смерти и страданій, снова льется невинная кровь, и слышатся стоны и проклятія“.

Но вотъ и Севастопольская кампанія кончена, и Толстой пріѣзжаетъ въ Петербургъ, гдѣ его принимаютъ съ распростертыми объятіями его новые товарищи—литераторы.

Л. Н. чувствуетъ, что для того, чтобы быть среди нихъ „своимъ“, близкимъ имъ человѣкомъ, нужно раздѣлять ихъ мнѣнія, подчиняться обычаямъ ихъ среды, а этого-то и не могъ сдѣлать Л. Н. Онъ всегда оставался самъ собою, больше всего на свѣтѣ дорожилъ независимостью мысли, правдой, искренностью: онъ откровенно выражалъ свое несогласіе съ мнѣніемъ, господствовавшимъ въ кружкѣ, и этимъ возстановлялъ многихъ противъ себя.

IV.

Заграничное путешествіе и школы.

Не найдя удовлетворенія своей душѣ въ общеніи съ писателями, Л. Н. рѣшилъ совершить заграничное путешествіе. Онъ вышелъ въ отставку, взялъ заграничный паспортъ и отправился въ Парижъ.

Повидавшись съ жившимъ тогда въ Парижѣ Тургеневымъ, Л. Н. отправился въ Швейцарію, на Женевское озеро. Красота этого озера поразила его. Онъ поселился въ Кларанѣ.

Въ записной книжкѣ того времени набросаны имъ такія картинки швейцарской природы:

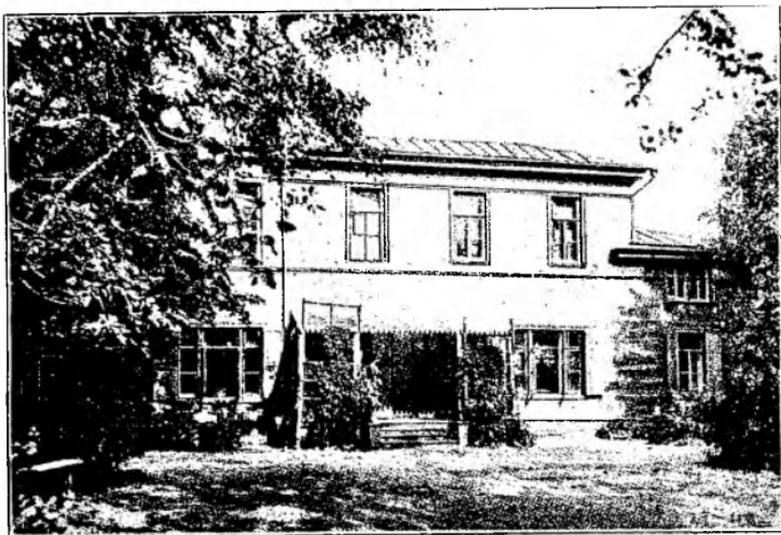
„Погода была ясная; голубой, яркосиній Леманъ, съ бѣлыми и черными точками парусовъ и лодокъ, почти съ трехъ сторонъ сіялъ передъ глазами; около Женевы, въ дали яркаго озера, дрожаль и темнѣлъ жаркій воздухъ; на противоположномъ берегу круто поднимались зеленыя савойскія горы съ бѣлыми домиками у подошвы и съ разсѣлинами скалы, имѣющей видъ громадной бѣлой женщины въ старинномъ костюмѣ. Налѣво, отчетливо и близко надъ рыжими виноградниками въ темнозеленой гущѣ фруктовыхъ садовъ виднѣлось Монтре съ своей пріютившейся на полускатѣ граціозной церковью; Вильневъ на самомъ берегу съ ярко блестящимъ на полуденномъ солнцѣ желѣзомъ домовъ, таинственное ущелье Валэ съ нагроможденными другъ на друга горами, бѣлый холодный Шильонъ надъ самой водой и воспѣтый островокъ, выдуманно, но все-таки прекрасно торчащій противъ Вильнева. Озеро чуть рябило, солнце прямо сверху ударяло на его голубую поверхность, и распущенные по озеру паруса, казалось, не двигались“.

Съ однимъ русскимъ мальчикомъ, Сашей, Л. Н. совершилъ прогулку по горамъ пѣшкомъ. Вотъ отрывокъ изъ его путевыхъ замѣтокъ:

... „Надъ нами заливались лѣсныя птицы, которыхъ не слышно надъ озеромъ, пахло сыростью, лѣсомъ и рубленой елью. Было такъ хорошо идти, что намъ жалко было проходить скоро. Вдругъ насъ поразили необыкновенный, счастливый, бѣлый весенній запахъ. Саша побѣжалъ въ лѣсъ и сорвалъ вишневыхъ цвѣтовъ, но они почти не пахли. Съ

обѣихъ сторонъ были видны зеленяя деревья и кусты безъ цвѣта. Сладкій, одурѣвающій запахъ все усиливался и усиливался. Пройдя сотню шаговъ, съ правой стороны кусты открылись, и покатаая, огромная бѣлозеленая долина съ нѣсколькими разбросанными на ней домиками открылась передъ глазами.

Саша побѣжалъ на лугъ рвать обѣими руками бѣлые нарцисы и принесъ мнѣ огромный невыносимо пахучій букетъ, но, со свойственной дѣтямъ разрушительной жадностью, побѣжалъ еще топтать и рвать чудесные, молодые, сочные цвѣты, которые такъ нравились ему“.

Домъ гр. Л. Н. Толстого въ Москвѣ, Долго-Хамовническій пер.

Проѣхавъ Швейцарію, Германію, Л. Н. вернулся черезъ Штетинъ на пароходѣ въ Петербургъ.

Проживъ затѣмъ года два отчасти въ Ясной Полянѣ, отчасти въ Москвѣ, Л. Н. лѣтомъ 1860 года снова отправляется за границу. Поводомъ къ этой поѣздкѣ была болѣзнь старшаго брата Л. Н., Николая, который и умеръ осенью того же года, на югѣ Франціи, на его рукахъ.

Смерть любимаго брата очень поразила Л. Н. и заставила его серьезно задуматься надъ вопросами жизни и смерти.

Но у Л. Н. была еще одна важная цѣль заграничной поѣздки, — онъ хотѣлъ изучить за границей, въ Германіи, Франціи, Англии, какъ ведутся народныя школы, чтобы позаимствовать хорошіе приемы обученія, ввести ихъ въ Россіи, испробовать наилучшіе въ своей школѣ, которую онъ завелъ въ Ясной Полянѣ. Но заграничныя школы не удовлетворили его, онъ чувствовалъ, что русскому народу нужна школа, болѣе отвѣчающая его потребностямъ, и, вернувшись изъ заграницы, онъ страстно, съ увлеченіемъ берется за народное школьное дѣло. Это занятіе школой, по словамъ самого Л. Н., составляетъ одну изъ лучшихъ свѣтлыхъ страницъ его жизни.

Л. Н. всегда любилъ дѣтей, и вотъ онъ съ увлеченіемъ отдается занятіямъ съ крестьянскими дѣтьми. Ученики его пользуются у него въ школѣ полной свободой: когда онъ рассказываетъ, они обступаютъ его, съ жадностью слушаютъ, даже у самыхъ тупыхъ зажигается въ глазахъ искра удовольствія. Иной, чтобы лучше слышать его, забирается подъ столъ или подъ стулъ, лѣзутъ одинъ на другого... и все это не мѣшаетъ школѣ, она идетъ съ большимъ успѣхомъ, и учениковъ съ трудомъ можно вечеромъ отослать домой.

Кромѣ того, Л. Н. издаетъ журналъ подъ названіемъ „Ясная Поляна“, и тамъ онъ и сосѣдніе учителя помещаютъ статьи по школьнымъ вопросамъ и печатаютъ отчеты о своей школьной дѣятельности.

Гр. Л. Н. Толстой въ 1862 г.

Когда черезъ нѣсколько лѣтъ Л. Н. снова сталъ заниматься школьнымъ дѣломъ, онъ написалъ азбуку и книжки для чтенія. Въ этихъ книжкахъ онъ собралъ, отчасти написалъ самъ, сотни небольшихъ разказовъ, самыхъ легкихъ для чтенія и очень интересныхъ по содержанию.

Азбука и книжки эти разошлись по Россіи въ милліонахъ экземпляровъ.

Кромѣ того во время занятій школой, Л. Н. исполнялъ должность мирового посредника, т.-е. онъ разбиралъ споры помѣщиковъ съ крестьянами во время надѣленія ихъ земель послѣ освобожденія отъ крѣпостной зависимости. И въ этой должности Л. Н. принесъ большую пользу народу.

Ко всѣмъ этимъ дѣламъ, къ хозяйству, къ школѣ, къ изданію журнала, къ посредничеству, Л. Н. относился съ большимъ усердіемъ и добросовѣстностью, переутомился и захворалъ. Онъ поѣхалъ лѣчиться въ Самарскую губернію, на кумысъ, и скоро поправился тамъ, а вернувшись домой, онъ женился и зажилъ опять въ Ясной Полянѣ счастливой семейной жизнью.

V.

Большіе романы.

Первые годы новой семейной жизни, несмотря на всѣ новыя заботы, онъ посвящаетъ писанью большаго романа „Война и миръ“. Это удивительное произведеніе изображаетъ жизнь Россіи въ началѣ прошлаго, 19-го столѣтія, когда Россія вела непрерывныя войны съ французами. Другія государства Европы—Пруссія, Австрія, Италія, Польша и другія мелкія княжества и герцогства то присоединялись къ Франціи и вмѣстѣ съ ней шли на Россію, то присоединялись къ Россіи и вмѣстѣ съ ней шли на Францію. Такъ что огромныя массы народа, стотысячныя арміи, то устрем-

лялись съ востока на западъ, то обращали свои страшныя всеразрушающія волны, подобно могучему отливу, съ запада на востокъ, то снова всей своей огромной массой стремились на западъ. Вотъ эти-то огромныя народныя движенія, въ которыхъ принималъ участіе и русскій народъ, и описаны въ „Войнѣ и мирѣ“. Разсматривая и изучая эти движенія, Л. Н. пришелъ къ заключенію, что этими движеніями управляетъ какая-то высшая невидимая нами сила, и что люди, думающіе, что они командуютъ всѣмъ, заблуждаются, потому что они ничто иное, какъ слабыя орудія въ рукахъ этой высшей невѣдомой силы. И если они сознаютъ надъ собой власть этой силы и смиренно подчинятся ей, тогда только они становятся истинными народными героями, и таковъ былъ Кутузовъ, и таковы были смиренные русскіе люди, умиравшіе въ этой борьбѣ, не имѣя силъ противиться ей. Такимъ описанъ въ „Войнѣ и мирѣ“ солдатикъ Платонъ Каратаевъ, умирающій въ плѣну у французовъ. Видя его болѣзнь и слабость, они пристрѣливаютъ его, чтобы избавиться отъ лишняго бремени въ трудномъ походѣ. И эта незамѣтная смерть, какъ будто раздавленной козявки, производитъ такое сильное впечатлѣніе, и весь образъ этого никому неизвѣстнаго героя такъ величественъ, что его одного достаточно, чтобы доказать то, что „сила Божья въ немощи совершается“. Въ изображеніи этого героя проявилась вся сила художественнаго генія Л. Н. Толстого.

Обратное впечатлѣніе вызываетъ Наполеонъ. Покрытый невѣданной дотолѣ славой, повелитель милліоновъ людей, обладатель несмѣтныхъ богатствъ, побѣдоносно шествующій по всему свѣту, онъ оставляетъ впечатлѣніе ничтожнаго, мелкаго, тщеславнаго, упрямаго человѣка, пожелавшаго утвердить свое величіе на пролитой крови милліоновъ людей и погибающій въ забвеніи и ничтожествѣ.

Кромѣ того, въ романѣ „Война и миръ“, среди описаній походовъ и сраженій идетъ рассказъ о мирной жизни двухъ

семей князей Болконскихъ и графовъ Ростовыхъ, и въ жизни этихъ семействъ помимо большой силы художественнаго творчества Л. Н. воплотилъ черты изъ жизни своихъ предковъ, со стороны матери, князей Волконскихъ, и со стороны отца, графовъ Толстыхъ, такъ что, читая эти описанія, мы узнаемъ многія черты изъ жизни матери Л. Н. въ образѣ княжны Маріи Болконской и изъ жизни отца Л. Н. въ образѣ графа Николая Ростова. Конечно, много въ этомъ романѣ и лицъ вымышленныхъ, и главные герои, князь Андрей Болконскій и графъ Пьеръ Безуховъ, только чувствами и мыслями своими напоминаютъ мысли и чувства, пережитыя самимъ Л. Н. Толстымъ.

Слѣдующій большой романъ, написанный Л. Н., былъ „Анна Каренина“ Въ этомъ романѣ Л. Н. описываетъ двухъ родовъ людей; одинъ родъ людей, какъ, на примѣръ, прекрасная, умная и добрая Анна, нарушающая нравственный законъ и погибающая, сама себя губящая отъ этого нарушенія вѣчнаго закона, и другой родъ людей, какъ, на примѣръ, хорошенькая, но недалекая Китти, исполняющая законъ и счастливая этимъ исполненіемъ его.

Но тамъ есть еще и третій родъ людей, какъ, на примѣръ, Константинъ Левинъ, который хотя и исполняетъ общечеловѣческіе нравственные законы, но чувствуетъ себя неудовлетвореннымъ, потому что душа его стремится къ высшему закону разума и любви, еще не сознаваемому окружающими его людьми.

Потерявъ старую, отъ дѣтства привычную ему вѣру, онъ мучится отъ невѣрія, ищетъ новаго Бога и, наконецъ, находитъ его. Онъ внутреннимъ опытомъ приходитъ къ сознанію, что Богъ есть любовь. Жить въ Богѣ, для Бога, значить, любить людей, служить имъ.

И эту новую сознательную вѣру Л. Н. воплощаетъ въ чудномъ разказѣ „Чѣмъ люди живы“. Въ этомъ разказѣ Л. Н. передаетъ старинную народную легенду объ

ангелѣ, посланномъ Богомъ на землю искупить вину непослушанія Богу. Ангелъ остается на землѣ до тѣхъ поръ, пока узнаетъ самъ и передастъ людямъ великую истину о томъ, что люди живы любовью.

VI.

Толстой—учитель жизни.

Подъ видомъ перерожденія Левина Л. Н. изобразилъ отчасти ту внутреннюю борьбу, которая началась въ немъ въ концѣ 70-хъ годовъ. Подобно Левину, онъ мучился отъ безвѣрія, искалъ Бога и нашелъ его въ ученіи Христа, въ Евангеліи.

И съ тѣхъ поръ онъ словомъ и дѣломъ проповѣдуетъ это ученіе, призывая людей къ чистой, нравственной жизни и къ служенію другимъ людямъ, братьямъ своимъ.

Онъ написалъ еще цѣлый рядъ повѣстей и рассказовъ, смыслъ которыхъ въ томъ, что люди должны любить другъ друга, помогать другъ другу, и что въ этомъ должно состоять главное дѣло жизни.

Первое дѣло, говоритъ онъ, для человѣка, который хочетъ вести добрую жизнь, состоитъ въ томъ, чтобы не заставлялъ другихъ людей служить себѣ. Пусть человѣкъ начинаетъ съ самага малаго, пусть самъ чиститъ свою одежду, убираетъ постель, вытираетъ, если онъ пролилъ или напачкалъ, выноситъ свои нечистоты, и онъ скоро увидитъ, что онъ можетъ больше и самостоятельнѣе помогать себѣ, онъ будетъ себѣ накрывать на столъ, потомъ мыть посуду, потомъ научится самъ готовить себѣ пищу, а, можетъ быть, дойдетъ и до того, чтобы шить себѣ одежду и обувь, обрабатывать землю и сѣять хлѣбъ и строить себѣ жилище. Тогда человѣкъ, дѣйствительно, можетъ стать свободнымъ и независимымъ отъ другихъ.

И все это онъ долженъ дѣлать съ любовнымъ, братскимъ чувствомъ по отношенію къ окружающимъ людямъ, не сердиться на нихъ, терпѣть ихъ слабости, платить добромъ за

Гр. Л. Н. Толстой на косьбѣ.

зло, стараться уступать имъ, дѣлить съ ними то, что имѣеть у себя. И тогда человѣку, занятому полезнымъ трудомъ, будетъ легче вести чистую, воздержную жизнь, никакая

дурь не пойдетъ ему въ голову, и онъ будетъ желательнымъ другомъ всякому живущему съ нимъ, самымъ приятнымъ членомъ всякаго общества, поддержкой семьи, добрымъ примѣромъ для младшихъ, а, главное, жизнь его будетъ полна радостнаго сознанія, что онъ исполняетъ волю пославшаго его въ этотъ мѣръ, Отца жизни—Бога.

Все, что мы можемъ изучить и приобрести въ этомъ мѣрѣ,--науки, искусства, матеріальныя блага, должно намъ

Гр. Л. Н. Толстой. (Съ картины Рѣпина).

служить только средствомъ для служенія и помощи людямъ. Это чувство къ другимъ, чувство жалости и состраданія, Л. Н. распространилъ не только на людей, но и на животныхъ и пересталъ убивать ихъ и употреблять въ пищу, питаясь только молочной и растительной пищей.

И такая здоровая, радостная, полезная жизнь приблизить насъ къ жизни трудящихся людей, къ природѣ, и чело-

вѣкъ испытаетъ радости, недоступныя для тѣхъ, кто живетъ чужими трудами, тратитъ свое здоровье и нѣжитъ себя всякою роскошью, праздностью и удовлетвореніемъ своихъ страстей.

Гр. Л. Н. Толстой бесѣдуетъ съ крестьянами.

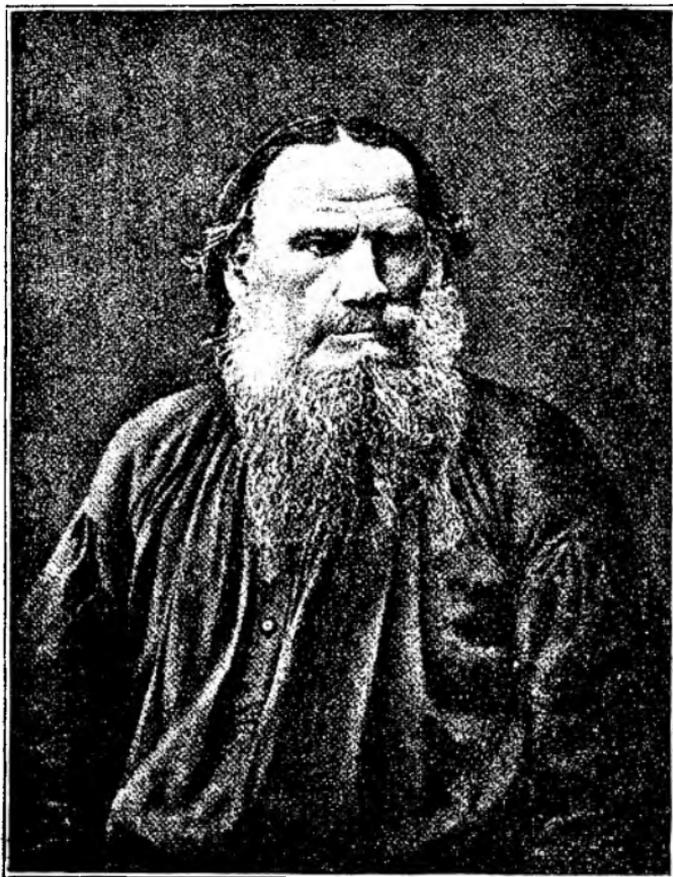
Такъ писалъ, и говорилъ, и училъ людей Л. Н. Толстой, и такъ старался самъ поступать въ своей жизни.

Ни одна минута его дня не пропадала праздно. Онъ по-

Гр. Л. Н. Толстой со своей семьей въ Ясной Полянѣ. (1892 года)

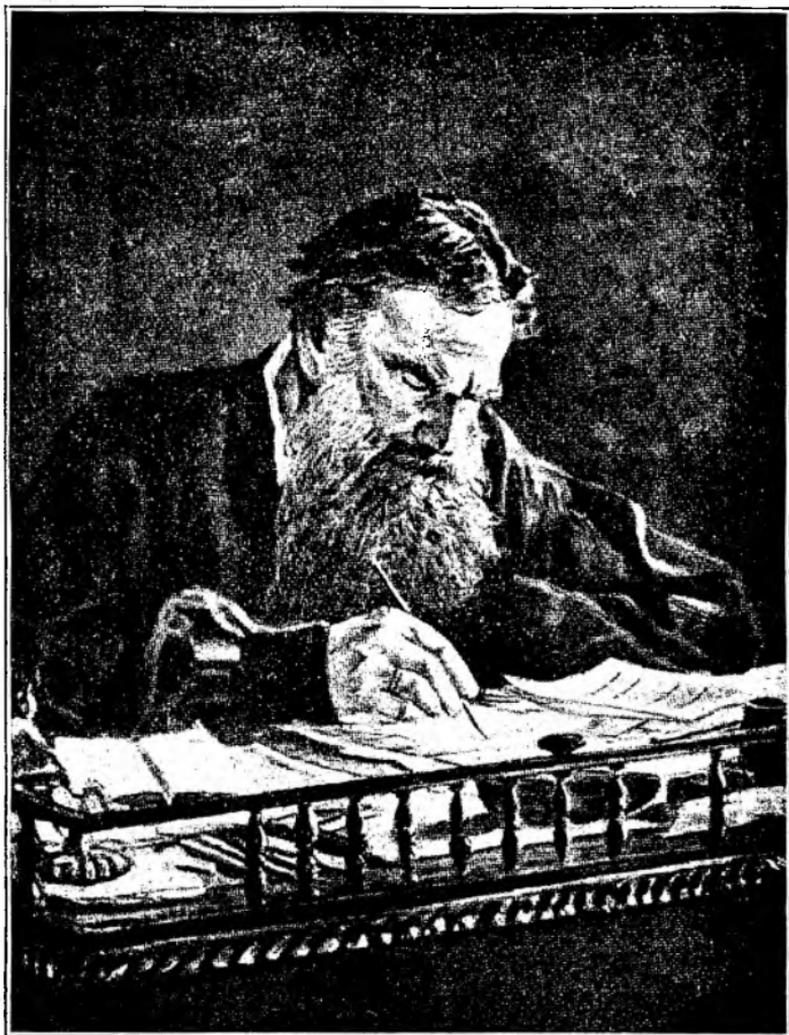
лучалъ огромное количество писемъ, къ нему приходило много посѣтителей, и онъ старался удовлетворить всѣ просьбы, которыя считалъ основательными, и исполненіе которыхъ, по его мнѣнію, могло дать этимъ людямъ благо.

Гр. Л. Н. Толстой. (Въ 1880 году).

Въ письмахъ своихъ онъ старался разъяснить людямъ смыслъ жизни, направить ихъ на путь честной, трудолюбивой дѣятельности и уберечь отъ соблазновъ. Письма эти

можно считать тысячами и, если напечатать ихъ всѣ, они составятъ многотомное сочиненіе.

Гр. Л. Н. Толстой. (Съ картины Ге, 1884 г.).

Также бывалъ отзывчивъ Л. Н. и на народныя бѣдствія. Когда въ 1891 году большая часть Россіи была охвачена

страшнымъ неурожаемъ и крестьянамъ предстояло бѣдствие голода, Л. Н. поѣхалъ со своей семьей въ одно изъ самыхъ бѣдственныхъ неурожайныхъ мѣстъ и собранными имъ деньгами, и личнымъ трудомъ сталъ помогать голоднымъ. Русское общество вскорѣ узнало объ этомъ, и Льву Николаевичу стали посылать пожертвованія, и много людей, и молодыхъ, и старыхъ, пошли добровольно помогать голоднымъ. Во всѣхъ голодныхъ деревняхъ были устроены столовые, гдѣ давался бесплатно горячій обѣдъ наиболѣе нуждающимся. Много жизней сохранено этой помощью. Пожертвованія присылались со всѣхъ концовъ свѣта, особенно много хлѣба было прислано изъ Америки.

Гр. Л. Н. Толстой.
(Съ карт. Р. Левицкаго.
1895 г.).

Такъ, по примѣру Л. Н., многие люди соединились въ одной братской помощи русской народной бѣдѣ.

Такую же услугу оказалъ Л. Н. народу еще въ 1873-мъ году, когда былъ страшный голодъ въ Самарской губерніи, гдѣ онъ жилъ въ своемъ имѣніи. Онъ также обратился къ обществу съ воззваніемъ; пожертвованія были очень значительны, и самарское населеніе было спасено отъ голодной смерти.

Ко Л. Н. шли за совѣтомъ люди всякаго возраста, всякаго положенія и состоянія. И Левъ Николаевичъ старался всѣмъ дать совѣтъ, сообразный возрасту, положенію, состоянію. Особенно нѣженъ и остороженъ бывалъ онъ съ дѣтьми и юношами, едва входящими въ жизнь.

Въ послѣдніе годы Л. Н. занятъ былъ составленіемъ большой книги, которую онъ назвалъ „Кругъ чтенія“.

Въ этой книгѣ онъ собралъ все, что могъ, изъ сочиненій

многихъ мудрецовъ и другихъ ученыхъ и умныхъ людей всѣхъ временъ и народовъ, что они писали и говорили о доброй жизни; раздѣлилъ эти мысли по днямъ, такъ что на каждый день приходится страница или двѣ хорошихъ мыслей. И, составивъ эту книгу для всѣхъ, онъ сейчасъ же подумалъ о томъ, что если ее станутъ читать дѣти, имъ будетъ тамъ много непонятно, и онъ снова переделалъ всю книгу, приспособивъ ее къ дѣтскому пониманію. Для этого онъ призывалъ дѣтей, прочитывалъ имъ какую-нибудь мысль или короткій рассказикъ и заставлялъ ихъ пересказывать прочитанное. Если дѣти хорошо рассказывали, значить, они поняли прочитанное, а если не могли рассказать, значить, прочитанное не понятно, и надо сдѣлать его яснѣе, или совсѣмъ отбросить, какъ ненужное.

И вотъ послѣ такого отбора эта книга дѣтской мудрости будетъ скоро напечатана.

На склонѣ лѣтъ Левъ Николаевичъ, слабѣя тѣломъ, становился все свѣтлѣе и яснѣе духомъ, нѣжнѣе, мягче къ людямъ, боясь кого-нибудь чѣмъ-нибудь оскорбить. И старался всѣмъ сказать доброе слово любви.

Гр. Л. Н. Толстой. (Съ карт. И. Е. Рѣпина, 1901 г.).

Такъ протекала жизнь великаго старца. Въ 1908 году онъ скромно отпраздновалъ свой 80-тилѣтній юбилей. Левъ Николаевичъ употребилъ всѣ силы на то, чтобы этотъ юбилей прошелъ безъ пышныхъ торжествъ, приношеній, рѣчей. Но остановить общаго потока чувствъ было нельзя. И хотя онъ провелъ этотъ день въ тѣсномъ кругу близкихъ друзей и родныхъ, все-таки Левъ Николаевичъ получилъ за этотъ день по телеграфу болѣе 2000 поздравленій.

Главною чертою характера Льва Николаевича было постоянное недовольство собою и вытекающее отсюда стремленіе къ самоусовершенствованію. Окружающая его, хотя и скромная, обстановка также не давала ему покоя: лакеи за столѣмъ, остальная домашняя прислуга, мягкая мебель, просторное помѣщеніе, деликатная ѣда, гости съ ихъ праздными разговорами и безпечнымъ весельемъ,—вся эта барская обстановка жизни давно уже тяготила его. И онъ нѣсколько разъ въ своей жизни пытался разорвать съ этимъ образомъ жизни, и если онъ не приводилъ въ исполненіе своего рѣшенія, то только изъ-за жалости и любви къ семейнымъ, боясь огорчить ихъ поступкомъ, который только ему самому доставитъ спокойствіе. И онъ продолжалъ переносить эту тяготу роскоши окружавшей его жизни.

Но вотъ онъ почувствовалъ въ тайникѣ души своей, что долѣе терпѣть этого не слѣдуетъ, такъ какъ это терпѣніе уже можетъ послужить во вредъ окружавшимъ его людямъ. Кромѣ того послѣдніе годы здоровье его сильно ослабѣло, и онъ сознавалъ, что жить ему остается недолго. И вотъ 28-го октября 1910 года, рано утромъ, онъ собралъ свои вещи, взявъ только самое необходимое и въ сопровожденіи своего друга, доктора Маковицкаго, никому не сказавшись, уѣхалъ изъ дома, оставивъ письмо на имя своей жены, прося не искать его, потому что онъ хочетъ пожить въ уединеніи. Но Богъ судилъ иначе. Левъ Николаевичъ по

дорогѣ простудился, захворалъ и долженъ былъ остановиться на одной станціи, гдѣ, окруженный заботами близкихъ людей, тихо скончался 7-го ноября сего года.

Тѣмъ не менѣе, этимъ поступкомъ своимъ Левъ Николаевичъ доказалъ, что онъ не дорожилъ тою обстановкою, среди которой онъ жилъ. Его завѣтной мечтой была простота жизни, и онъ завѣщалъ похоронить себя съ такою же простотой, и этотъ завѣтъ его былъ свято исполненъ. 9-го ноября его похоронили при большомъ стеченіи народа, любившаго его, но безъ всякихъ церемоній и обрядовъ. Гробъ былъ зарытъ въ могилу, въ лѣсу, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по рассказамъ его старшаго брата Николеньки, была когда-то зарыта зеленая палочка съ надписью о томъ, какъ сдѣлать всѣхъ людей добрыми и счастливыми.

Великій старецъ съ этими мыслями о благѣ всего чело-вѣчества и отошелъ отъ насъ въ вѣчность.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Введеніе.	3
I. Толстой—дита.	4
II. Толстой—юноша.	13
III. Кавказъ и Севастополь	18
IV. Заграничное путешествіе и школы.	22
V. Большіе романы	26
VI. Толстой—учитель жизни.	29
